

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

***Морозный
ветер атаки***

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Морозный ветер атаки / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Передний край. Разведка Великой Отечественной).

ISBN 978-5-04-243657-4

Ноябрь 1941 года. Враг наступает, Красная армия из последних сил сдерживает натиск вермахта у самых стен Москвы. В числе защитников города — взвод фронтовой разведки лейтенанта Глеба Шубина. Им приказано проникнуть в расположение противника и выяснить, где сосредоточены танковые колонны немцев. Разведчики выполняют задачу, но на обратном пути неожиданно узнают, что все обнаруженные ими приготовления фашистов — хитрая уловка. Главный удар по нашим позициям будет нанесен совсем не там, где его ожидают. Чтобы сообщить об этом командованию, у Шубина есть всего несколько часов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243657-4

© Тамоников А.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Деревня Вишняковка утонула в сугробах. Снег лежал везде: он завалил дома и огороды, соседние перелески и островки кустарника. Складки местности практически не просматривались. Околица деревни превратилась в неодолимый снежный вал.

Группа лейтенанта Шубина разделилась, ползли по одному, собрались только у крайнего участка. Домовладение было заброшено, изба сгорела. Словно покалеченная зенитка — дулом в небо, торчал обугленный дымоход. Пожар случился не вчера, запах гари давно развеялся.

В глубине деревни лениво тявкала собака. Ночь еще не кончилась. Мороз пощипывал щеки, их постоянно растирали шерстяными рукавицами.

— Деревня не маленькая, товарищ лейтенант, — отчитался сержант Лазаренко — крупный, но подвижный малый, отправившийся на фронт прямиком из рядов московской милиции, — дворов тридцать или даже больше. Население — в наличии, но все попрятались в избах.

Дымок кое-где курится. Дорогу с запада немного расчистили — значит, немцев ждут. Вы уверены, что это единственная дорога, товарищ лейтенант?

— Уверен, сержант. На семь верст в округе нет других дорог. Сплошь леса и... непонятно что. Дорога из Бутова в Вишняковку — единственная артерия, по которой могут подойти немцы.

— Местность в низине, товарищ лейтенант, — напомнил красноармеец Левашов, немногословный, головастый. — Тут снег до лета не растает. Немцам на бульдозерах пробиваться придется.

— Если надо, пробьются, — отрезал Глеб. — Подобные картины мы уже наблюдали. А нет бульдозеров — местное население организуют. Лопаты в деревнях еще не кончились. Вишняковку надо осмотреть.

Находиться в неподвижной позе было невыносимо. Даже в валенках и теплой одежде хотелось постоянно двигаться. Немцам в этом плане было еще хуже. На долгую войну командование вермахта не рассчитывало. В войсках отсутствовало необходимое обмундирование. Солдаты не были обучены действовать в зимних условиях. Но вражеское наступление продолжалось, и над Москвой нависла угроза.

Красная армия была уже не та, что полгода назад. В войска поступало теплое обмундирование, шире использовалось автоматическое оружие. Утепленные маскхалаты в разведывательных

подразделениях уже не были диковинкой. Разведчики сливались со снегом. Капюшоны надвинули на ушанки, затянули резинками. Каждый человек как капуста с кучей одежек. Мешали лыжи, но как без них в этом снежном царстве? Лыжи были короткие, широкие, как снегоступы, с примитивными креплениями. Их приторачивали к вещмешкам параллельно земле, чтобы не стучали по ногам во время ходьбы.

Бойцы зарылись в снег, ждали приказа. Восемь невнятных бугорков, размытые лица. У всех — автоматы «ППШ», гранаты, ножи и даже глушитель братьев Митиных, крепящийся к стволу нагана, — один на всю группу. Рацию не брали — лишняя обуза, до своего расположения десять верст — не такой уж крюк.

Глеб прислушался. Собака перестала тявкать, слышались невнятные голоса: в морозном воздухе звук распространялся, как по воде, ясно и далеко. Немцы в темное время суток наступать не любили — разводили костры, жгли солярку и грелись. Если встречались деревни с целыми избами, набивались в них, как селедки в бочку, и до утра — никакой войны. Зима 41-го года выдалась для них, мягко говоря, негостеприимной.

— Лазаренко, води свою группу северной околицей. Мы пойдем южной, встречаемся у центральной избы. Да не шуметь там, не нравится мне что-то здесь...

Нога еще побаливала: повредил три недели назад, когда освобождали генерала Беспалова. Идти пешком — еще ничего, но во время бега конечность начинала ныть, напоминая о том печальном дне, когда из группы выжили только трое. За три недели утекло много воды, война разбросала людей, Шубин оказался во 2-й Московской дивизии, прикрывающей северо-западное направление. Контингент был пестрый, дивизия на восемьдесят процентов состояла из ополченцев. И это стало нешуточной проблемой. Даже лучшие из этого необученного болота — все равно ополченцы!

Он полз по снегу, экономя дыхание. Деревня лежала в низине, под снежным саваном. Небо в этот год было щедро на осадки. Формально зима еще не началась, на дворе 21 ноября, но снега выпало — больше уже и не надо. Он был рыхлый и тяжелый, скатывался в комки — увы, не тот снег, по которому скользишь, как на санках.

Избы сгрудились, их окружали голые деревья. Немцы в деревню не входили — их Шубин почувствовал бы за версту. Разведчики ползли следом: красноармейцы Левашов и Вербин, ефрейтор Гончар. Первые двое — ополченцы, но способные; первый всю осень служил в подразделении гражданской обороны, тушил пожары, сбрасывал зажигалки с московских крыш. Случались стычки с вражескими корректировщиками. Бо-

рис Вербин — студент консерватории по классу рояля, но не изнеженный интеллигент. Хотя в семье все было как положено: папа — декан, мама — директор балетной школы. Жизнь Бориса определялась не только музыкой, он занимался боксом, лыжами, бегал кроссы. Ефрейтор Гончар — темноволосый, постоянно бледный — воевал в кадровых частях с середины лета. Оттого, видать, и бледный — насмотрелся такого, что людям видеть не положено...

Группа Лазаренко ушла во мрак. В ней было три человека, помимо сержанта: Гулыгин, Карабаш и Лапштарь. И та же история — только двое, Лазаренко и Гулыгин, были кадровыми военными.

Через плетень проползли, как через порожек, — он едва выступал над снежным покровом. Дальше шли на четвереньках. Наделы сельчан не везде смыкались — обозначился проход между скособоченными оградами. Ноги тонули в снегу, шли медленно. Эта часть деревни казалась вымершей, чернели просевшие в землю строения. Снег нависал над стрехами, придавливал крыши. Пахло дымком. Где-то в стороне разговаривали люди. Чужаки в деревню пока не прибыли.

Шубин первым выбрался к дороге, присел за скособоченной трансформаторной будкой — яркой приметой гибнущей цивилизации. Обозначилась деревенская улица, она же единственная ар-

терия, связывающая несколько населенных пунктов. В пределах деревни дорогу почистили. Она убегала на запад — взбиралась на покатый холм, терялась в еловом лесу. На восток еще не прочистили — руки не дошли. Лазаренко был прав: не для себя старались.

Глеб присел за будкой, осмотрелся. В спину дышал Гончар, обходился без комментариев. Дорога была сравнительно широкой. Привести такую в порядок — и можно всю армию провести. Вдоль заборов высились рукотворные сугробы. Шубин бросил через плечо: всем оставаться на месте, не отвечивать. Разведчики послушно отступили в переулок, отполз Гончар.

На другой стороне что-то происходило. Глухо смеялась женщина, потом захлопнулась дверь, и смех затих. Наперебой заговорили мужчины, потом тоже замолчали. Проплыла над оградой шапка-ушанка, скрипнула дверь сарая. Справа на дороге появились двое, двигались на запад. Коренастые мужики в телогрейках — они прошли мимо, негромко переговариваясь, зашли в калитку. На крыльце обстучали ноги, заскрипела дверь.

— Петрович, когда ты ее смажешь? — проворчал недовольный голос.

Изба была вместительной. Она смотрелась опрятно, в отличие от соседних. Дорожку к крыльцу недавно прочистили, как и скаты крыши. На крыльце мерцал огонек папирасы. Люди на морозе

долго не курили, несколько затяжек — и обратно в дом. Потом из избы вышла женщина, быстро просеменила по дорожке, отперла калитку и побежала по деревне. Стало тихо, только из избы простекал монотонный гул.

— Товарищ лейтенант, скоро немцы появятся, на Клин пойдут, — забормотал в спину Гончар. — Местные предатели их ждут, хлебом-солью встречать собираются. Не сожгли наши эту деревню, недоглядели...

Увы, не в каждом населенном пункте оккупантов встречали как должно — огнем из берданок, злобой и презрением. Недовольных советскими порядками скопилось предостаточно. Одни ненавидели большевистскую власть, подарившую народу колхозы, другие тряслись за свою жизнь. Откуда взялись все эти люди, еще вчера — законопослушные, преданные революции граждане?

Масла в огонь подлил приказ Ставки ВГК № 428 четырехдневной давности. Документ предписывал лишать германскую армию возможности останавливаться в селах, выгонять захватчиков на холод в чистое поле, выкуривать из теплых помещений и убежищ. С этой целью в немецкий тыл забрасывались диверсионные группы — разрушать и сжигать дотла населенные пункты, пригодные для постоя немецкой армии.

Напротив выделялся такой же переулок, в нем обозначились смутные фигуры — сержант Лаза-

ренко и его часть группы. Разведчики залегли, лишь один силуэт колебался в морозном воздухе. Глеб оторвался от будки, показал на избу. Наблюдатель отозвался условным знаком: понял вас.

Несколько человек перебежали дорогу, при-
сели под оградой, слились с сугробами. С другой
стороны перебрались бойцы Лазаренко, разбежа-
лись по задворкам. Глеб отомкнул калитку и по-
бежал, пригнувшись, к крыльцу.

— Вербин, за мной, остальным рассредото-
читься...

У крыльца уже сидел на корточках сержант Ла-
заренко. За его спиной маячил кто-то еще — ка-
жется, Гулыгин, вечно мрачный, язвительный,
потерявший в Можайске всю семью, включая
двух несовершеннолетних детей.

— Товарищ лейтенант, в избе местные му-
жики в количестве трех-четырех человек, — про-
шептал сержант. — Баба была, но ушла. У них
настроение праздничное, с чего бы? Смеются,
шутят, матом кроют. Это не партизаны. Хотите
дорогу у них спросить? Так я и сам могу показать...

— Помолчи, Лазаренко. Людей распределил?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Кто там за тобой? Гулыгин? Пошли в дом,
остальные пусть держат ухо востро. Поговорим
с сельчанами, посмотрим, чем они тут дышат...

Бойцы затаились в огороде — визуально и не
поймешь, что это люди. Небо покрывалось серо-

стью. Рассвет в это время года — дело затяжное, муторное. Жизнь, казалось, теплилась лишь в одной избе. Остальная деревня помалкивала.

Глеб поднялся на крыльцо. Дверь, обитая войлоком, была не заперта. Шубин осторожно подал ее вверх, чтобы не скрипнула, приоткрыл. Четверо бойцов проникли внутрь. В сенях ступали мягко, чтобы не задеть развешанный инвентарь, составленные друг в друга баки и тазики. На гвозде висели березовые веники — видимо, в доме любили попариться. За дверью в горницу высилась большая русская печь, беленная известью. Электричество отсутствовало, горела керосинка. От печи исходило тепло — вовсе не повод расслабиться.

Шубин повернулся, сделал знак: на месте! Разведчики остановились. В горнице приглушенно беседовали люди.

— Слышь, Сергеич, — сипло бубнил один мужик, — поднимай народ, хватит дрыхнуть. Скоро немцы подъедут — встречать пойдем. Матрене я уже сказал, чтобы стол ломился — баба вроде правильная, все сделает, даст шумок, чтобы тасчили свои заначки. Мы теперь тут власть, мужики, и надо вести себя грамотно, чтобы немчура другую не назначила, а нас к стенке не поставила. Кто их знает, что у них на уме, у этих добродетелей. Но без нашей помощи они не справятся — должны понимать...

— Петрович, а ничего, что ты при большевиках председателем сельсовета был? — ухмыльнулся собеседник. — Тебя и поставят первым к стенке, а?

— А сам-то? Зоотехник хренов, в сельсовете народным избранником заседал — не чешется под лопаткой? Я месяц обязанности исполнял, а ты, считай, год штаны протирал, надои с обмолотами подсчитывал... Мы с тобой в партии не состояли, от парткома держались подальше, а нашего главного партийца Барыкина я бы первым кончил, кабы он не утек... Не нашли его, кстати?

— Нет его нигде, Петрович, всю деревню обошли. Ноги сделал, большевик проклятый.

— Ну, ничего, найдем. Так что помолчи, Сергеич. Немцы появятся на рассвете, чуйка у меня. Они дальше пойдут, на Клин, а мы здесь останемся и всех наших колхозников к ногтю прижмем. Припомним, кто тут в Красной армии служил, кто в партизаны идти агитировал, засады на немецкие колонны учинять... А пока буди, кто там еще не встал — лопаты в зубы, пусть дорогу дальше чистят. Там сугробы по шею, как немцы проедут? А им на Клин надо, на Солнечногорск. А через день-другой и Белокаменную возьмут... Толкни своего шурина, закемарил он чего-то, пока мы с тобой государственные вопросы решаем.

— Ага, Петрович, мигом сделаем. Эй, Санек, вставай, чего тебя развезло? — последовал звук оплеухи. Мужики смеялись, сновидец матерно выражался.

Немая сцена удалась. Шубин вышел из-за печки в круг света. Все трое опешили, грузный сельчанин с одутловатым лицом схватился за берданку, но замялся, не решаясь вскинуть. Двое сидели за столом, один зевал, очумело вращая глазами. Грузный мгновение назад сидел на подоконнике, а теперь мялся посреди горницы, напрягая глаза. Силуэт пришельца выделялся нечетко. Не угадаешь, кто такой — автомат за плечом, облачен во все белое, капюшон натянут почти на глаза. Проснувшийся мужик закашлялся, схватился за горло.

— Доброй ночи, господа! — каркнул по-немецки Глеб. Все понятно, но требовалось подтверждение. — Германская армия приветствует жителей освобожденной России!

Что-то другое в голову не пришло, но они и этого не поняли. Петрович вытянулся в струнку, задрал голову. В армии он служил, но очень давно. И неизвестно еще, в чьей армии! Остальные выскочили из-за стола. Коренастый Сергеич неумело выбросил руку в фашистском приветствии, едва не врезав шурину по челюсти. У всех троих заблестели глаза. Там было все, что положено: робость, страх, предвкушение!

— Рады вас приветствовать, господин офицер... — забормотал Петрович, — милости просим, как говорится, на нашу гостеприимную землю. Мы представители местной гражданской власти, прогнали большевиков, вот вас ждем... Готовы служить Великой Германии, уничтожить большевистскую заразу...

— Ладно, кончаем цирк, — перебил Глеб. — Разведка 2-й Московской стрелковой дивизии, с чем вас, господа, и поздравляем.

На несостоявшихся предателей было жалко смотреть. Петрович дернулся, сделал попытку вскинуть берданку, но выступил вперед Гулыгин, двинул прикладом в челюсть. Петрович схватился за разбитую кость, отпрянул к подоконнику, берданка уплыла в чужие руки. Остальные испуганно закричали, шурин перевернул табуретку. Глеб схватил его за шиворот, хорошенько встряхнул и вложил всю мощь народного гнева в последующий удар. Шурин, падая, опрокинул стол, Глеб поморщился — что же ты так грохочешь, гражданин. Сергеич попятился к окну, чтобы выбить задом стекло. Лазаренко и Вербин бросились одновременно, схватили его за локти, Лазаренко не сдержался, двинул предателя в висок, и Сергеич распростерся на треснувшей столешнице.

Выслушивать исповеди не было резона. Глеб переглянулся с Гулыгиным, тот понял без слов —

кадровый военный, два месяца в разведке, правда, служил под началом других (геройски погибших). В руке мелькнул старенький «наган» с накрученным глушителем. Завизжал шурина Сергеича, стал вертеться, но получил пулю в грудь и упокоился с миром. Сам Сергеич прожил чуть дольше, успел рухнуть на колени и открыть рот. Пуля пробила черепную кость.

— Третьего не трогай, успеем, — опомнился Глеб.

Гулыгин пожал плечами, опустил наган, но далеко убирать не стал.

— Нет-нет, не стреляйте... — пустил слюни Петрович. — Вы нас не поняли, товарищи... Мы вовсе не ждем фашистов, мы будем с ними сражаться до последней капли крови — за нашу Советскую Родину, за товарища Ста...

— Заткнись! — процедил Глеб, предатель осекся на половине святого для каждого советского человека слова. — Кого ты уговаривать собрался? Мы все поняли. Сочувствуем, но своих благодетелей ты уже не дождешься.

— Не стреляйте, пожалуйста, — снова захрипел Петрович, — Христом Богом прошу, жизнью деток своих маленьких...

— Вот гад, про деток вспомнил, — сплюнул Гулыгин. — Товарищ лейтенант, вы уж разберитесь с ним, да кончать упыря надо. А то зажился он на этом свете.

Разговор не затянулся. Петрович ползал по полу, умолял дать ему шанс искупить вину. Его неправильно поняли! Он не собирался предавать Отчизну, хотел лишь втереться в доверие к немцам и начать священную партизанскую войну на захваченной территории!

Попутно Петрович давал ответы на вопросы. Население деревни — порядка семидесяти душ. Уехали человек двадцать, остальные остались, не поверив сказкам о зверствах фашистов. Бабы, старики, маленькие детки — большинству из них просто некуда идти. Мужиков дееспособного возраста — человек восемь. «Кружок активистов», которым поперек горла встала советская власть — это он, эти двое и еще Генка Харитонов, механизатор МТС, но хрен знает, где его носит. Решили до прихода немцев прибрать власть в деревне, да вот жалко — парторга не смогли взять, убег, зараза, вместе с женой и отпрыском. Хотели встретить немцев по-людски, показать, что русские люди всячески рады слиянию с Великой Германией... Подобные выкладки Петрович, разумеется, не выдавал, но додумать было нетрудно.

— Признавайся, откуда сведения, что немцы должны прийти?

— Так это... А как же еще? — бормотал Петрович. — Они же к Москве рвутся, супостаты проклятые, отродье басурманское... Обязательно придут, тут ведь одна дорога... Тишка Митро-

хин, сынок Матрены, вечером на хутор Собачий к бабке бегал, так на обратной дороге немцев засек... На мотоциклах они были — разъезд или разведка, не знаю... По лесу катались, дорожку протапывали да по сторонам смотрели... К Глазову поехали, но там нет дороги — тупик, значит, вернуться и в нашу сторону двинут...

Это было похоже на правду. Немцы могли нагрянуть в любую минуту. Заваленная снегом дорога на восток их задержит ненадолго. Она не единственная, что ведет в Клин, но, по крайней мере, самая короткая. А читать советские топографические карты немецкие стратеги научились. И метод тыка тоже освоили. Клин фактически беззащитен, крохотный гарнизон и часа не продержится...

Глеб выразительно посмотрел на Гулыгина. Тот не стал уточнять, выстрелил предателю в сердце.

Разведчик задумался. Немцы могут вот-вот появиться, но это неточно. Есть ли смысл его группе идти на запад, учитывая, что скоро рассветет и даже в маскхалатах они не станут невидимками? Можно подождать колонну, устроить диверсию и, пока фашисты будут барахтаться в снегу, отойти к своим. А если немцы не придут?

Вечно голодный Вербин, паренек с изнеженным лицом и тонкими пальцами (но вовсе не задохлик, как могло показаться), забрался в рус-

скую печь и сделал разочарованное лицо. Еды в печи не было.

— К Матрене сходи, — посоветовал Лазаренко. — Она на всю германскую армию наготовила. Что же ты такой голодный-то, Вербин? Тебя проще убить, чем прокормить.

— Расту, — вздохнул разведчик и с лязгом закрыл заслонку. Почему-то вспомнилась Баба-яга, которую Иван-дурак загрузил в точно такую же печь.

В окно постучали.

— Товарищ лейтенант, к вам баба идет, — глухо сообщил ефрейтор Гончар. — Мы не стали ее останавливать, а то визгу будет...

Хлопнула входная дверь, кто-то обстучал валенки и двинулся в горницу.

— Вот и Матрена пожаловала, — хмыкнул Вербин, — чудо-повариха, сватья баба Бабариха...

— Эй, Петрович, вы чешетесь, али как? — произнес хриплый женский голос, его обладательница появилась в дверях — в меру упитанная, некрасивая, в короткой шубейке, голова обернута пуховым платком. Женщина испуганно застыла, округлив огромные глаза.

Убивать это нелепое существо слабого пола не стали. Даже Гулыгин как-то смутился и сунул наган за пазуху. Женщину связали, в рот сунули кляп — скомканную, дурно пахнущую ветошь. У бабы хватило ума не сопротив-

ляться — женщины вообще соображают лучше мужиков.

— И что с ней делать? — почесал затылок Вербин.

— На бал с собой возьми, — фыркнул Гулыгин, а Лазаренко хищно оскалился.

— Не наша, конечно, забота, но сжечь бы эту деревню ко всем чертям, — проворчал Гулыгин. — Дотла, до последнего сарая, чтобы фрицам шиш достался, а не печка. Да и предателей тут навалом.

— Здесь не только предатели, — подметил Вербин. — А баб с детишками и стариками куда? На мороз? Не выживут ведь.

— А ты шире смотри на вещи, музыкант, — отрезал Гулыгин, — что важнее, то и делай. Немец в тепле отдохнет, выпится, а потом с полными силами так по нам ударит, что мало не покажется. И неизвестно, сколько стариков и детишек погибнет — уж не меньше, чем в этой деревне. Так что сравнивай, что да как. Или выступаешь против приказов нашего Верховного главнокомандования, а, музыкант?

— Да бес с тобой. — Вербин побледнел, быстро глянул на лейтенанта. — А ты, Гулыгин, не передергивай, я вообще не об этом говорил!

— Уймись, спорщики, — сказал Шубин. — Не наше это дело — деревни сжигать. До следующего вечера провозимся. Все, на выход.

— А бабу оставим? — насупился Гулыгин. — Развяжется же, тварь, сбежит.

— Да и шут с ней, — отмахнулся Шубин. — Куда она сбежит? Все ее подельники мертвые. Или почти все. Навстречу немцам побежит, платочком махать будет? Да они пристрелят ее и разбираться не станут. Ничего, окончится война, все получат по заслугам.

— Товарищ лейтенант, немцы едут, — постукал в окошко Гончар.

Он так буднично об этом сказал! Дернулись все, залязгали затворы.

— Их немного, товарищ лейтенант, — добавил Гончар. — Только мотоциклы — точно вам говорю, у меня слух музыкальный. Вы бы не выходили из дома-то? Сразу вас увидят. А мы вокруг хаты оборону займем на всякий случай.

— Бежим, товарищ лейтенант? — неуверенно предложил Лазаренко. — Можно через заднее окно — и в огород...

— Отставить, — бросил Глеб, — смыться успеем, не сбежит твой огород...

За окном уже светало. Как-то незаметно пробежало время. Вербин притушил керосиновую лампу, разведчики застыли у окна. Треск мотоциклетных моторов становился все явственнее. Возможно, это авангард неприятельского войска, будет прискормно, если за этой «первой ласточкой» нагрянет вся армия. Но это мог быть и раз-